

къ предметамъ хозяйственного боягства страны, то какъ надзоръ за ея сбереженіемъ, такъ и заботы объ размноженіи, должны быть предоставлены земскимъ учрежденіямъ, какъ представителямъ хозяйственныхъ интересовъ каждой отдельной мѣстности. Для правительства, по мнѣнію многихъ, представляется необходимымъ преподать въ руководство земскимъ учрежденіямъ лишь главный законодательный правилъ, подробнѣе же примѣненіе этихъ правилъ можетъ и должно состоять въ земствѣ.

Новые правила обѣ охотѣ, выѣтъ тѣмъ, выѣвали изъ трехъ учреждений обществъ естествознанія при университетахъ и Императорскаго русскаго общества Акклиматизаціи Животныхъ и Растеній, ходатайство о дополненіи этихъ правилъ существенно важными для усиленія развитія одной изъ отраслей естествознанія въ Россіи подобностями: Имѣя въ виду, что по закону (ст. 542-я съ. зак. т. XIIго ч. 2) право охоты во всякое время года предоставляется только профессорамъ зоологии, какъ лицамъ, имѣющимъ цѣлью не удовольствіе охотника, а изученіе животныхъ и собирание научного материала для зоологическихъ музеевъ, и что, во всякомъ случаѣ, стрѣльба стъ подобной цѣлью не можетъ быть вредной уже потому, что лица, пользующихся такимъ правомъ, весьма не много—высокопомянутыи ученые общества, во избѣженіе тѣхъ неудобствъ, которымъ приходится встрѣчать членамъ ихъ при зоологическихъ изслѣдованіяхъ, выражаютъ желаніе, что бы право свободной стрѣльбы во всякое время года было распространено и на тѣхъ лицъ, которымъ командаются учеными обществами для изслѣдованія русской фауны.

Изъ доставленныхъ такимъ образомъ на „проектъ некоторыхъ правилъ обѣ охотѣ“ замѣчаній частныхъ лицъ и обществъ составленъ общий сводъ, въ которомъ помѣщены какъ самыи статьи проекта, такъ и замѣчанія на нихъ, распределенные, въ систематическомъ порядке, непосредственно за тѣми статьями проекта, къ которымъ они относятся.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТИЯ

Намъ передаются за достовѣрныя съѣдущія извѣстія о Харьково-полтавской желѣзной дорогѣ: рельсы уложены въ настоящее время гдѣ-то въ протяженіи линии, за исключеніемъ 15-ти верстъ (между Любоминомъ и Коломакомъ). Кромѣ в-

МУЗЫКАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Поминки по Лукреціи—Борджа—Норма—Криспини и куму—Эриана—Абрунѣо—Помпей—Концертъ школы пѣсни г. Евгеньева.

Я обѣщаю читателямъ нѣсколько замѣтокъ обѣ исполненіи оперы Лукреціи Борджа и находящихъ въ большомъ затрудненіи: опера эта давно шла отрадныхъ впечатлѣній въ душѣ но оставалась, а неограниченная такъ скоро у меня изглаживалась; и неудивительно. Нѣкоторые нумера изъ партіи Лукреціи: Каватина 1-го акта „Guento e bello“, финальное рondo „m' odi, ah! m' odi; отрывочная фраза Дженнаро какъ на примерѣ въ трио „Oh! madre mia!“, его дуэтъ въ послѣднемъ актѣ „Ah madre a te lontano!“ тѣснятъ, пожалуй, въ воспоминаніи, но тѣхъ смутно, такъ нечетко, что помнится одно только, что было съѣто не дурно, а какъ и чѣмъ не дурно, что именно было хорошо,—память не умѣетъ подсказать. Прочтите въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ неблагородную замѣтку обѣ исполненіи Лукреціи, я, сторича, вступился за таланты артистовъ, но теперь я думаю, что это застуничество было вызвано не талантами ихъ, не красотами исполненія неудавшейся оперы, а скрѣбѣжившими сочувствіемъ къ этимъ бездѣлкамъ труженниками, участіи которыхъ позволяло не за что. Въ нихъ кочующей жизни, переслѣдованіемъ тѣснѣніемъ, мало у кого изъ нихъ есть свѣтлый воспоминаніе въ прошломъ, отрадныя надежды на будущее. Но живутъ они и своимъ настоющими; ихъ настоящимъ живутъ ихъ импресарио, которыи запрѣдили подрядчику: они то же, что автомата въ рукахъ бѣлье-мѣни искусстваго механика; то же, что гуртомъ закупленный товаръ для мечтой распродажи; живыи силы, взятые въ разработку смѣтливымъ и расчетливымъ антирендеромъ, пользуясь ими съзами до ихъ источенія. Случается, конечно, что какойнибудь талантъ, какое нибудь могучее дарование, быстро овладѣваетъ положеніемъ и выбываетъ изъ подъ аренацкой зависимости, тогда роли смыываются: импресарио, въ свою очередь, становится данникомъ артиста, покоряется его волѣ, овладѣвшей расположениемъ публики,—и съ этой минуты жизнь талантливаго артиста покачивается на гравитации, среди неперывнаго ряда устюховъ, горжестей и оваций. Но много ли такихъ избраниковъ? Сколько несомнѣнныхъ дарований, едва проявившихъ, глухнувшихъ и гибнувшихъ, не успѣло

окрѣпнуть, не найдя случая выбиться изъ рда юнъ. Артистъ простудился. По советамъ медика, онъ неодолжилъ пѣть пока не устранился воспалительное состояніе горлъ или дыхательныхъ органовъ. Ослушаніе влечетъ за собою неизбѣжную потерю голоса. Но артистъ связалъ контрактомъ съ импресарио, который купилъ его настоющими и мало занимался о его будущемъ. Она поетъ пѣневозъ и за одинъ полный сбѣръ платитъ цѣлою будущностью сбѣровъ и устюховъ. Положимъ однако, что не всегда больными артистомъ виситъ юридическая форуза контракта, что онъ выговариваетъ себѣ кратковременный отдыхъ на время случайнаго болѣзни. Сколько обѣдненій остается еще въ рукахъ импресарио, чтобы вынудить отъ артиста гиблеское снискожденіе: денежные выгоды, въ которыхъ недостигшій еще извѣстности артистъ всегда нуждается, и приманка славы и успеховъ передъ публикой, почтившей юный талантъ снисходительнымъ одобрениемъ, и кое-какія уступки въ условіяхъ контракта, и желаніе поскорѣй высвободиться изъ стѣнъ жизненного положенія артистической независимости, надѣясь на примѣръ въ трио „Oh! madre mia!“, его дуэтъ въ послѣднемъ актѣ „Ah madre a te lontano!“ тѣснятъ, пожалуй, въ воспоминаніи, но тѣхъ смутно, такъ нечетко, что помнится одно только, что было съѣто не дурно, а какъ и чѣмъ не дурно, что именно было хорошо,—память не умѣетъ подсказать. Прочтите въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ неблагородную замѣтку обѣ исполненіи Лукреціи, я, сторича, вступился за таланты артистовъ, но теперь я думаю, что это застуничество было вызвано не талантами ихъ, не красотами исполненія неудавшейся оперы, а скрѣбѣжившими сочувствіемъ къ этимъ бездѣлкамъ труженниками, участіи которыхъ позволяло не за что. Въ нихъ кочующей жизни, переслѣдованіемъ тѣснѣніемъ, мало у кого изъ нихъ есть свѣтлый воспоминаніе въ прошломъ, отрадныя надежды на будущее. Но живутъ они и своимъ настоющими; ихъ настоящимъ живутъ ихъ импресарио, которыи запрѣдили подрядчику: они то же, что автомата въ рукахъ бѣлье-мѣни искусстваго механика; то же, что гуртомъ закупленный товаръ для мечтой распродажи; живыи силы, взятые въ разработку смѣтливымъ и расчетливымъ антирендеромъ, пользуясь ими съзами до ихъ источенія. Случается, конечно, что какойнибудь талантъ, какое нибудь могучее дарование, быстро овладѣваетъ положеніемъ и выбываетъ изъ подъ аренацкой зависимости, тогда роли смываются: импресарио, въ свою очередь, становится данникомъ артиста, покоряется его волѣ, овладѣвшей расположениемъ публики,—и съ этой минуты жизнь талантливаго артиста покачивается на гравитации, среди неперывнаго ряда устюховъ, горжестей и оваций. Но много ли такихъ избраниковъ? Сколько несомнѣнныхъ дарований, едва проявившихъ, глухнувшихъ и гибнувшихъ, не успѣло

окрѣпнуть, не найдя случая выбиться изъ рда юнъ. Артистъ простудился. По советамъ медика, онъ неодолжилъ пѣть пока не устранился воспалительное состояніе горлъ или дыхательныхъ органовъ. Ослушаніе влечетъ за собою неизбѣжную потерю голоса. Но артистъ связалъ контрактомъ съ импресарио, который купилъ его настоющими и мало занимался о его будущемъ. Она поетъ пѣневозъ и за одинъ полный сбѣръ платитъ цѣлою будущностью сбѣровъ и устюховъ. Положимъ однако, что не всегда больными артистомъ виситъ юридическая форуза контракта, что онъ выговариваетъ себѣ кратковременный отдыхъ на время случайнаго болѣзни. Сколько обѣдненій остается еще въ рукахъ импресарио, чтобы вынудить отъ артиста гиблеское снискожденіе: денежные выгоды, въ которыхъ недостигшій еще извѣстности артистъ всегда нуждается, и приманка славы и успеховъ передъ публикой, почтившей юный талантъ снисходительнымъ одобрениемъ, и кое-какія уступки въ условіяхъ контракта, и желаніе поскорѣй высвободиться изъ стѣнъ жизненного положенія артистической независимости, надѣясь на примѣръ въ трио „Oh! madre mia!“, его дуэтъ въ послѣднемъ актѣ „Ah madre a te lontano!“ тѣснятъ, пожалуй, въ воспоминаніи, но тѣхъ смутно, такъ нечетко, что помнится одно только, что было съѣто не дурно, а какъ и чѣмъ не дурно, что именно было хорошо,—память не умѣетъ подсказать. Прочтите въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ неблагородную замѣтку обѣ исполненіи Лукреціи, я, сторича, вступился за таланты артистовъ, но теперь я думаю, что это застуничество было вызвано не талантами ихъ, не красотами исполненія неудавшейся оперы, а скрѣбѣжившими сочувствіемъ къ этимъ бездѣлкамъ труженниками, участіи которыхъ позволяло не за что. Въ нихъ кочующей жизни, переслѣдованіемъ тѣснѣніемъ, мало у кого изъ нихъ есть свѣтлый воспоминаніе въ прошломъ, отрадныя надежды на будущее. Но живутъ они и своимъ настоющими; ихъ настоящимъ живутъ ихъ импресарио, которыи запрѣдили подрядчику: они то же, что автомата въ рукахъ бѣлье-мѣни искусстваго механика; то же, что гуртомъ закупленный товаръ для мечтой распродажи; живыи силы, взятые въ разработку смѣтливымъ и расчетливымъ антирендеромъ, пользуясь ими съзами до ихъ источенія. Случается, конечно, что какойнибудь талантъ, какое нибудь могучее дарование, быстро овладѣваетъ положеніемъ и выбываетъ изъ подъ аренацкой зависимости, тогда роли смываются: импресарио, въ свою очередь, становится данникомъ артиста, покоряется его волѣ, овладѣющей расположениемъ публики,—и съ этой минуты жизнь талантливаго артиста покачивается на гравитации, среди неперывнаго ряда устюховъ, горжестей и оваций. Но много ли такихъ избраниковъ? Сколько несомнѣнныхъ дарований, едва проявившихъ, глухнувшихъ и гибнувшихъ, не успѣло

окрѣпнуть, не найдя случая выбиться изъ рда юнъ. Артистъ простудился. По советамъ медика, онъ неодолжилъ пѣть пока не устранился воспалительное состояніе горлъ или дыхательныхъ органовъ. Ослушаніе влечетъ за собою неизбѣжную потерю голоса. Но артистъ связалъ контрактомъ съ импресарио, который купилъ его настоющими и мало занимался о его будущемъ. Она поетъ пѣневозъ и за одинъ полный сбѣръ платитъ цѣлою будущностью сбѣровъ и устюховъ. Положимъ однако, что не всегда больными артистомъ виситъ юридическая форуза контракта, что онъ выговариваетъ себѣ кратковременный отдыхъ на время случайнаго болѣзни. Сколько обѣдненій остается еще въ рукахъ импресарио, чтобы вынудить отъ артиста гиблеское снискожденіе: денежные выгоды, въ которыхъ недостигшій еще извѣстности артистъ всегда нуждается, и приманка славы и успеховъ передъ публикой, почтившей юный талантъ снисходительнымъ одобрениемъ, и кое-какія уступки въ условіяхъ контракта, и желаніе поскорѣй высвободиться изъ стѣнъ жизненного положенія артистической независимости, надѣясь на примѣръ въ трио „Oh! madre mia!“, его дуэтъ въ послѣднемъ актѣ „Ah madre a te lontano!“ тѣснятъ, пожалуй, въ воспоминаніи, но тѣхъ смутно, такъ нечетко, что помнится одно только, что было съѣто не дурно, а какъ и чѣмъ не дурно, что именно было хорошо,—память не умѣетъ подсказать. Прочтите въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ неблагородную замѣтку обѣ исполненіи Лукреціи, я, сторича, вступился за таланты артистовъ, но теперь я думаю, что это застуничество было вызвано не талантами ихъ, не красотами исполненія неудавшейся оперы, а скрѣбѣжившими сочувствіемъ къ этимъ бездѣлкамъ труженниками, участіи которыхъ позволяло не за что. Въ нихъ кочующей жизни, переслѣдованіемъ тѣснѣніемъ, мало у кого изъ нихъ есть свѣтлый воспоминаніе въ прошломъ, отрадныя надежды на будущее. Но живутъ они и своимъ настоющими; ихъ настоящимъ живутъ ихъ импресарио, которыи запрѣдили подрядчику: они то же, что автомата въ рукахъ бѣлье-мѣни искусстваго механика; то же, что гуртомъ закупленный товаръ для мечтой распродажи; живыи силы, взятые въ разработку смѣтливымъ и расчетливымъ антирендеромъ, пользуясь ими съзами до ихъ источенія. Случается, конечно, что какойнибудь талантъ, какое нибудь могучее дарование, быстро овладѣваетъ положеніемъ и выбываетъ изъ подъ аренацкой зависимости, тогда роли смываются: импресарио, въ свою очередь, становится данникомъ артиста, покоряется его волѣ, овладѣющей расположениемъ публики,—и съ этой минуты жизнь талантливаго артиста покачивается на гравитации, среди неперывнаго ряда устюховъ, горжестей и оваций. Но много ли такихъ избраниковъ? Сколько несомнѣнныхъ дарований, едва проявившихъ, глухнувшихъ и гибнувшихъ, не успѣло

окрѣпнуть, не найдя случая выбиться изъ рда юнъ. Артистъ простудился. По советамъ медика, онъ неодолжилъ пѣть пока не устранился воспалительное состояніе горлъ или дыхательныхъ органовъ. Ослушаніе влечетъ за собою неизбѣжную потерю голоса. Но артистъ связалъ контрактомъ съ импресарио, который купилъ его настоющими и мало занимался о его будущемъ. Она поетъ пѣневозъ и за одинъ полный сбѣръ платитъ цѣлою будущностью сбѣровъ и устюховъ. Положимъ однако, что не всегда больными артистомъ виситъ юридическая форуза контракта, что онъ выговариваетъ себѣ кратковременный отдыхъ на время случайнаго болѣзни. Сколько обѣдненій остается еще въ рукахъ импресарио, чтобы вынудить отъ артиста гиблеское снискожденіе: денежные выгоды, въ которыхъ недостигшій еще извѣстности артистъ всегда нуждается, и приманка славы и успеховъ передъ публикой, почтившей юный талантъ снисходительнымъ одобрениемъ, и кое-какія уступки въ условіяхъ контракта, и желаніе поскорѣй высвободиться изъ стѣнъ жизненного положенія артистической независимости, надѣясь на примѣръ въ трио „Oh! madre mia!“, его дуэтъ въ послѣднемъ актѣ „Ah madre a te lontano!“ тѣснятъ, пожалуй, въ воспоминаніи, но тѣхъ смутно, такъ нечетко, что помнится одно только, что было съѣто не дурно, а какъ и чѣмъ не дурно, что именно было хорошо,—память не умѣетъ подсказать. Прочтите въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ неблагородную замѣтку обѣ исполненіи Лукреціи, я, сторича, вступился за таланты артистовъ, но теперь я думаю, что это застуничество было вызвано не талантами ихъ, не красотами исполненія неудавшейся оперы, а скрѣбѣжившими сочувствіемъ къ этимъ бездѣлкамъ труженниками, участіи которыхъ позволяло не за что. Въ нихъ кочующей жизни, переслѣдованіемъ тѣснѣніемъ, мало у кого изъ нихъ есть свѣтлый воспоминаніе въ прошломъ, отрадныя надежды на будущее. Но живутъ они и своимъ настоющими; ихъ настоящимъ живутъ ихъ импресарио, которыи запрѣдили подрядчику: они то же, что автомата въ рукахъ бѣлье-мѣни искусстваго механика; то же, что гуртомъ закупленный товаръ для мечтой распродажи; живыи силы, взятые въ разработку смѣтливымъ и расчетливымъ антирендеромъ, пользуясь ими съзами до ихъ источенія. Случается, конечно, что какойнибудь талантъ, какое нибудь могучее дарование, быстро овладѣваетъ положеніемъ и выбываетъ изъ подъ аренацкой зависимости, тогда роли смываются: импресарио, въ свою очередь, становится данникомъ артиста, покоряется его волѣ, овладѣющей расположениемъ публики,—и съ этой минуты жизнь талантливаго артиста покачивается на гравитации, среди неперывнаго ряда устюховъ, горжестей и оваций. Но много ли такихъ избраниковъ? Сколько несомнѣнныхъ дарований, едва проявившихъ, глухнувшихъ и гибнувшихъ, не успѣло

окрѣпнуть, не найдя случая выбиться изъ рда юнъ. Артистъ простудился. По советамъ медика, онъ неодолжилъ пѣть пока не устранился воспалительное состояніе горлъ или дыхательныхъ органовъ. Ослушаніе влечетъ за собою неизбѣжную потерю голоса. Но артистъ связалъ контрактомъ съ импресарио, который купилъ его настоющими и мало занимался о его будущемъ. Она поетъ пѣневозъ и за одинъ полный сбѣръ платитъ цѣлою будущностью сбѣровъ и устюховъ. Положимъ однако, что не всегда больными артистомъ виситъ юридическая форуза контракта, что онъ выговариваетъ себѣ кратковременный отдыхъ на время случайнаго болѣзни. Сколько обѣдненій остается еще въ рукахъ импресарио, чтобы вынудить отъ артиста гиблеское снискожденіе: денежные выгоды, въ которыхъ недостигшій еще извѣстности артистъ всегда нуждается, и приманка славы и успеховъ передъ публикой, почтившей юный талантъ снисходительнымъ одобрениемъ, и кое-какія уступки въ условіяхъ контракта, и желаніе поскорѣй высвободиться изъ стѣнъ жизненного положенія артистической независимости, надѣясь на примѣръ въ трио „Oh! madre mia!“, его дуэтъ въ послѣднемъ актѣ „Ah madre a te lontano!“ тѣснятъ, пожалуй, въ воспоминаніи, но тѣхъ смутно, такъ нечетко, что помнится одно только, что было съѣто не дурно, а какъ и чѣмъ не дурно, что именно было хорошо,—память не умѣетъ подсказать. Прочтите въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ неблагородную замѣтку обѣ исполненіи Лукреціи, я, сторича, вступился за таланты артистовъ, но теперь я думаю, что это застуничество было вызвано не талантами ихъ, не красотами исполненія неудавшейся оперы, а скрѣбѣжившими сочувствіемъ къ этимъ бездѣлкамъ труженниками, участіи которыхъ позволяло не за что. Въ нихъ кочующей жизни, переслѣдованіемъ тѣснѣніемъ, мало у кого изъ нихъ есть свѣтлый воспоминаніе въ прошломъ, отрадныя надежды на будущее. Но живутъ они и своимъ настоющими; ихъ настоящимъ живутъ ихъ импресарио, которыи запрѣдили подрядчику: они то же, что автомата въ рукахъ бѣлье-мѣни искусстваго механика; то же, что гуртомъ закупленный товаръ для мечтой распродажи; живыи силы, взятые въ разработку смѣтливымъ и расчетливымъ антирендеромъ, пользуясь ими съзами до ихъ источенія. Случается, конечно, что какойнибудь талантъ, какое нибудь могучее дарование, быстро овладѣваетъ положеніемъ и выбываетъ изъ подъ аренацкой зависимости, тогда роли смываются: импресарио, въ свою очередь, становится данникомъ артиста, покоряется его волѣ, овладѣющей расположениемъ публики,—и съ этой минуты жизнь талантливаго артиста покачивается на гравитации, среди неперывнаго ряда устюховъ, горжестей и оваций. Но много ли такихъ избраниковъ? Сколько несомнѣнныхъ дарований, едва проявившихъ, глухнувшихъ и

